

Глава 14. Маленький Персик

—...

В этот момент Ян Ихай не просто поморщился — его лицо перекосило от целой гаммы чувств.

За всю свою жизнь он никогда не раскаивался так сильно! Знай он наперед, что придется нести на себе такое тяжкое бремя ложных обвинений, нужно было просто наброситься на него, и дело с концом! Глядишь, сейчас бы уже и каша сварилась!

Редкий случай, когда в нем проснулась человечность, и надо же... У-у-у... Обидно-то как. Если у Доу Э в июне шел иней, то у него, Ихая, в июле — настоящий снегопад!

Ян Ихай, терзаемый угрызениями совести (вернее, их отсутствием в нужный момент), застыл на месте, не в силах вымолвить ни слова. В голове его крутилась лишь одна мысль, полная досады: «Кто смел, тот и съел, а кто опоздал — тот в полете... Эх... Все кончено... Моя репутация погублена... Все чувства прахом...»

Тем временем Су Цзытянь, вцепившись в Юй Чуцю, уткнулся лицом в плечо красавца. Он побагровел от ярости; бросал на Ян Ихая ненавидящие взгляды, а рука на талии Юй Чуцю невольно сжалась еще крепче. Со стороны он напоминал ребенка в детском саду, который успел схватить игрушку и теперь прячет ее за спиной: «Мое! Не дам! Не для тебя мама ягодку растила!»

Сдавленный стальной хваткой, Юй Чуцю начал задыхаться. Попытавшись отстранить Су Цзытяня за плечи, он с трудом выговорил:

— Цзытянь, я же весь мокрый — и пот, и вода. Испачкаешься еще, отпусти меня.

— Не испачкаюсь, мне нравится, как пахнет учитель, — послушно ослабив объятия, Су Цзытянь тем не менее привычно чмокнул Юй Чуцю в левую щеку.

Тот лишь нежно улыбнулся и, щелкнув юношу по лбу, притворно-строго отчитал:

— Ты уже взрослый парень, а ведешь себя как младенец, которому грудь вовремя не дали. Вечно льнешь ко мне. А ну, стань прямо! Как говорили древние: «Стой как сосна, сиди как колокол, спи как лук». Если даже стоять ровно не умеешь, как в будущем собираешься делами заправлять?

Су Цзытянь с несчастным видом опустил руки.

— И что за слова ты только что извергал? — Юй Чуцю посерьезнел. — Это... «насилие»... У

меня язык не поворачивается такое произносить. Подобные выражения применимы лишь когда мужчина принуждает женщину к постыдной близости. Брат Ян по доброте душевной помогал мне обтереть спину, чтобы облегчить жар, а ты выставил его каким-то злодеем и извращенцем. Как сказано в писании: «Сердце нечистого во всем видит нечистоту». Цзытянь, твое прилежание в учебе не вызывает сомнений, но о воспитании характера забывать нельзя... Иначе, даже обретя знания, ты станешь лишь бедой для народа.

Юй Чуцю принялся расхаживать по комнате, распаяясь все больше. Чем сильнее любишь, тем строже спрашиваешь:

— К тому же мы с твоим братом Яном оба мужчины, как можно использовать такие термины? Похоже, нам стоит подтянуть твою словесность. Конфуций говорил: «Учиться и постоянно повторять выученное — разве это не радость?»...

(Пропущено 500 слов наставлений)

Типичный ранний климакс в действии!

Пока Юй Чуцю разглагольствовал, Су Цзытянь опускал голову всё ниже, а сам он покраснел так, будто вот-вот разрыдается. Он виновато крутил пальцами, всем своим видом изображая раскаяние. Ян Ихай же, напротив, слушал, задрал подбородок, и то и дело одобрительно поддакивал: «Угу, именно так...»

Он буквально расцвел, словно и впрямь был тем самым бескорыстным святым, движимым лишь желанием помочь ближнему!

«Кто бы мог подумать... В глазах моего красавца Юя я — высокая, благородная личность, само воплощение добродетели. Моя сдержанность окупилась сторицей! Хорошо, что не набросился, а то бы сейчас локти кусал».

Ян Ихай с торжеством поглядывал на Су Цзытяня, которого учитель распекал в пух и прах. «Что за чудесный день! Так тебе и надо, мелкий паршивец!»

В тот момент, когда Юй Чуцю вовсю корил Су Цзытяня за неблагоразумие, а Ян Ихай втайне праздновал победу, на пороге показались Су Цзычуань и Су Цзыянь, привлеченные шумом.

Едва войдя, они застали финал нравоучительной тирады, произнесенной мягким, но твердым тоном. Ян Ихай стоял за спиной Юй Чуцю, едва сдерживая победную ухмылку. Су Цзытянь стоял с пунцовым лицом, он так и бегал глазами — явно замышлял очередную каверзу.

Су Цзычуань окинула комнату быстрым взглядом и мгновенно оценила ситуацию. Она усмехнулась. Грациозно подойдя к младшему брату, она без лишних церемоний отвесила ему смачный подзатыльник.

— Ай! — взвизгнул Су Цзытянь.

Поймав многозначительный взгляд сестры, он тут же вытянулся в струнку. Су Цзычуань прижала его голову к себе, словно арбуз к прилавку, и лучезарно улыбнулась Юй Чуцю:

— Учитель, вы совершенно правы! Я и сама заметила, что брат в последнее время совсем от рук отбился. Набрался, небось, всякой гадости от городских бездельников! Иначе как бы такой простодушный ребенок мог выговорить такое мерзкое слово, как «насилие»?

С этими словами она с силой крутанула ухо Су Цзытяня.

— Ой-ой-ой! Больно же! Сестра... — Кажется, на этот раз ему действительно прилетело не на шутку: в огромных глазах парня заблестели настоящие слезы.

Сердце Юй Чуцю тут же дрогнуло, и он поспешил вмешаться:

— Он еще молод, нужно наставлять его терпением. Бить нельзя.

— Учитель... — Су Цзытянь, почуввав слабинку, тут же нырнул в объятия Юй Чуцю и, вцепившись в его рукав, зарыдал навзрыд, обливаясь горячими слезами.

— Ну-ну, полно тебе. Мужчина должен течь кровью, а не слезами. Ты уже почти с меня ростом, а плачешь как дитя — люди засмеют, — мягко уговаривал Юй Чуцю, поглаживая юношу по спине.

Су Цзычуань мысленно ликовала: «Полдела сделано!» Пора было ковать железо, пока горячо. Она вежливо поклонилась:

— Учитель, вся надежда на ваши наставления. Я ведь всего лишь слабая женщина, мало что смыслю в воспитании...

«Тьфу! Слышали бы вы ее сейчас!» — Ян Ихай фыркнул про себя, не понимая, в какую игру ввязываются эти двое. Вкус легкой победы все еще кружил ему голову.

А Су Цзычуань продолжала разыгрывать скромницу:

— Может быть, Сяо Тяню стоит приходить к вам в комнату для занятий? Если что-то будет непонятно, он сразу сможет спросить. Находясь под вашим присмотром, он быстрее исправится. Боюсь только, не будет ли это обременительно для вас...

— О... нет, совсем не обременительно, — Юй Чуцю, видя смирение сестры и надежду в глазах

брата, просто не мог отказать. — Что ж, Цзытянь, отныне готовься к урокам здесь. Чем смогу — помогу, знаний не пожалею.

— Спасибо, учитель! — Су Цзытянь вспыхнул от восторга, и он снова звонко чмокнул Юй Чуцю.

Су Цзычуань кротко улыбнулась и поманила брата к себе:

— Иди ко мне, Цзытянь. У учителя одежда промокла, дай ему принять ванну. Потом придешь.

— Хорошо! — Парень пулей отскочил к сестре.

Брат и сестра — один воплощение невинности, другая — сама добродетель — рассыпались в благодарностях. Юй Чуцю, который, по сути, ничего особенного не сделал, лишь смущенно отмахивался.

Ян Ихаяю стало тошно от этого театра вежливости. Решив, что с него хватит, он направился к выходу. Однако на пороге дорогу ему преградил Су Цзыян, который, гневно глядя на него, взирал сверху вниз.

«А этому-то я что сделал?»

Ян Ихай, не желая уступать, дерзко бросил:

— С дороги, жирдяй! Раскабанел так, что в коридоре не разойтись! Худеть надо!

Су Цзыян вспыхнул от ярости, за которой на миг мелькнула глубокая обида.

Ян Ихай тут же пожалел о сказанном, но гордость не позволила извиниться. Обойдя громилу, он зашагал к своей комнате.

— Вот увидишь! Я похудею! — донесся ему в спину отчаянный крик Су Цзыяня.

Оглянувшись, Ян Ихай увидел, как тот, красный как рак, в панике бросился вниз по лестнице.

«Псих какой-то. Похудеешь ты или нет — мне-то что за печаль?»

***

Тем временем Су Цзычуань и ее младший брат вернулись во внутренний двор. Едва переступив порог, сестра преградила парню путь, закинув ногу на дверной косяк, и протянула изящную

ладонь тыльной стороной вниз.

— Сестра, неужели и за это платить?! — возопил Су Цзытянь.

— Если бы не я, как бы ты доиграл эту сцену? С тебя причитается десять лянов. Ладно, так и быть, по-братски сделаю скидку — гони восемь. — Су Цзычуань почесала руку с видом заправской сводни.

— Ладно, ладно, держи, — Су Цзытянь выудил из рукава пригоршню серебра.

Он только собрался пересчитать монеты, как сестра одним ловким движением сгребла всё себе.

— Сестра, это грабеж! Там было никак не меньше пятнадцати лянов.

Су Цзычуань, не слушая его, на ходу пересчитывала добычу, время от времени пробуя монеты на зуб.

— Ой, братец, не прибедряйся. Ты в академии уже как местный авторитет, деньги гребешь лопатой. Сестре на булавки пожалел? Ты только подумай, как тонко я всё обставила! Даже этот Луаньтун по фамилии Ян ничего не заподозрил. Путь я тебе расчистила, а как по нему идти — дело твое.

— Ну да, спасибо большое. До сих пор голова гудит от твоей «помощи», — буркнул Су Цзытянь, потирая макушку. — Кстати, сестра... откуда ты узнала, что мне нравится господин Юй? Я же тебе не говорил.

— Ха! Да я тебя насквозь вижу, со всеми потрохами! — Су Цзычуань с гордостью ткнула себя большим пальцем в грудь. — Не забывай, у нас одни родители. Я на год старше, а значит, и хитрости во мне побольше будет!

Она довольно сощурилась, поглаживая подбородок:

— Я не только про тебя знаю. Я и про старшего брата всё ведаю...

— Что именно? — Су Цзытянь наострил уши.

— Тоже хочешь знать?

— Угу.

— Гони деньги. У меня сейчас кризис, так что объявляю распродажу: одна новость — десять лянов.

<http://bllate.org/book/17540/1704223>